Да здравствует случай!

Евгений Михайлович Солонович

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Евгений Солонович. Да здравствует случай! // Vittorio : междунар. науч. сб., посвящ. 75-летию Витторио Страды. - М., 2005. - С.30-33.

Случай
1. см. событие.
2. см. случайность.
3. см. возможность

З.Е. Александрова, Словарь синонимов русского языка

С ВИТТОРИО Страдой я познакомился… И хотя так начинается подавляющее число воспоминаний о тех, кого пишущие воспоминания не обязательно знали близко, без этой начальной фразы мне тоже не обойтись.

Итак, с Витторио Страдой я познакомился в 1957 или 1958 году, когда он, аспирант филологического факультета МГУ, жадно осваивался в литературной Москве, где у него уже появились знакомые среди писателей. Особенно, если не ошибаюсь, он сблизился с Борисом Слуцким. Во всяком случае, именно Слуцкому он обязан своим интересом к ряду явлений русского литературного авангарда и желанием (в дальнейшем осуществленным) перевести на итальянский стихи Заболоцкого.

Научным руководителем аспиранта из Италии был профессор Метченко, и это ему, господину Метченко, несколько лет спустя прикажут обрушиться со страниц «Литературной газеты» на своего бывшего подопечного, осмелившегося усомниться в плодотворности соцреализма, выведенного в горьковской пробирке.

* * *

Когда в 1958 году четыре итальянских поэта - Серджо Сольми, Иньяцио Буттитта, Вельсо Муччи и Доменико Кадорези - после нескольких дней в Москве, куда они приехали по приглашению Союза писателей, отправились в путешествие по Советскому Союзу, к ним «пристегнули» Страду. Пятого члена делегации, будущего Нобелевского лауреата Сальваторе

Квазимодо, с тяжелым инфарктом увезли чуть ли не с трапа самолета в Боткинскую больницу, где он пролежал около трех месяцев и где Страда его несколько раз навещал.

Нужно сказать, что сам Страда решительно возражал против увеличения состава делегации за его счет, но в итоге сдался под напором тогдашнего секретаря Правления Союза писателей Алексея Александровича Суркова и консультанта Иностранной комиссии писательского Союза Георга Самсоновича Брейтбурда.

Г.С. Брейтбурд привлек и меня к этой поездке, в которой мне предстояло выступать в роли переводчика стихов, литературных бесед, а также, разумеется, тостов. Меньше всего хлопот в плотные дни путешествия доставил мне Страда, причем не только потому, что, владея русским языком, не нуждался в моей помощи, но и по той простой причине, что не выступал со стихами (я так и не знаю, писал ли он когда-нибудь стихи). И вообще, рядом со сдержанным Сольми, экспансивным Буттиттой, скромным Муччи и старавшимся выглядеть значительным в их обществе Кадорези он сознательно держался в тени и больше слушал, чем говорил.

Не знаю, успел ли до этой поездки Страда побывать в Ленинграде, но Тбилиси и Киев он точно увидел тогда впервые. И в Киеве я оказался свидетелем его знакомства с Виктором Некрасовым, повесть которого «В родном городе» он до этого перевел и с которым переписывался. Помню, что они не могли тогда наговориться, и знаю, что позже Страда принимал большое участие в эмигрантской судьбе Некрасова.

* * *

Клеймя Страду в «Литературной газете» (дело было, если не ошибаюсь, в 65-м или в 66-м году), господин Метченко оперировал цитатами из его работ, посвященных советской литературе, и цитаты эти были предоставлены вышеназванному господину Метченко не только вырванными из контекста, но и в тенденциозном переводе, после чего обвинить итальянского исследователя в антисоветизме было для автора заказной статьи проще простого. Не помню уже последовательности «санкций» против Витторио, к тому времени вернувшегося в Италию, но, пытаясь предупредить эти неизбежные по тем временам санкции, пять человек обратились в ЦК КПСС с письмом, в котором настаивали на заведомом шулерстве переводчиков, снабдивших Метченко цитатами, и на том, сколь важны для советской литературы искренние друзья, каким был, по их убеждению, Страда. Из этой наивной пятерки двое состояли в партии

(Маргарита Алигер и Борис Слуцкий), а трое (Цецилия Кин, Николай Томашевский и я) ходили в беспартийных. Сочиняли письмо как раз беспартийные, мы с Томашевским, и печаталось оно на моей «беспартийной» машинке. С тех пор копия время от времени всплывала из вороха бумаг, в которых мне никогда не удавалось навести окончательный порядок, а потом, к сожалению, пропала.

* * *

Одного меня посылали, а вернее, пускали в Италию неохотно даже после того, как из многолетнего состояния «невыездного» я был переведен в «выездные». Поэтому я никогда не отказывался от скромной роли переводчика писательских делегаций, отправлявшихся (отправляемых) в страну, чьей литературой я занимаюсь. С «компанией» иногда везло больше, иногда меньше, общий список, если б я его вел, получился бы довольно длинным, назову - для характеристики причудливости калейдоскопа - несколько имен: Маргарита Иосифовна Алигер, Николай Сергеевич Атаров, Александр Трифонович Твардовский, Алексей Александрович Сурков, Мустай Карим, Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Владимир Николаевич Орлов, Борис Сергеевич Рюриков, Давид Кугультинов, Владимир Соколов, Григол Абашидзе, Иосиф Нонешвили, Сергей Алексеевич Баруздин, Николай Трофимович Федоренко, Игорь Петрович Золотусский. Бывая в разные годы в Венеции, я непременно находил возможность повидаться со Страдой, хотя понятно, что мои визиты к «антисоветчику» были нелегальными и отличались краткостью. Витторио и его жена Клара всё прекрасно понимали и, зная, чем я рискую, не задерживали меня, услышав: «Ну, мне пора». Мы продолжали посылать друг другу поздравительные открытки к Новому году, и на открытках из Венеции по соображениям конспирации никогда не значились фамилия и адрес отправителя.

Я не был единственным *homo sovieticus*, кто встречался в те нешуточные времена с Витторио. Я давал его телефон надежным знакомым, и они потом, вернувшись из Италии, привозили мне привет от него и от Клары.

* * *

В 1966 году Страду осчастливил своим вниманием Всеволод

Кочетов, отплативший ему за щедрое хлебосольство пасквилем-однодневкой «Чего же ты хочешь?». Гнусную эту историю мне никогда не забыть по одной простой причине: я чуть не оказался ее пассивным участником. Дело в том, что у отдела ЦК партии, ведавшего выездами граждан за пределы родного отечества, возникли ко мне (явно с подачи другой могущественной организации) серьезные претензии, и тогда добрые люди в руководстве Иностранной комиссии Союза писателей уговорили меня поехать в Италию с Кочетовым в роли его переводчика: дескать, соглашайся, он член ЦК, он тебя «пробьет». Понимая, что определение «добрые люди» в сочетании с Иностранной комиссией Союза писателей СССР вызовет саркастическую улыбку не у одного из читающих эти строки, я настойчиво это определение повторяю: именно «добрые люди». Я растерялся. Мне было прекрасно известно, кто такой Кочетов и каким журналом он руководит (его «Октябрь» постоянно нападал на «Новый мир» и травил Твардовского). Однако все мои друзья, знавшие это не хуже моего и, мягко говоря, не разделявшие кочетовских взглядов, настоятельно советовали не отказываться от поездки, а те, кто бывал с Кочетовым за границей, уверяли, что на бытовом уровне несовместимости с ним у меня не будет. Человек слаб - и я согласился… Каюсь. И никогда бы мне не отмыться перед Витторио и Кларой, перед самим собой, если бы не вмешательство Случая.

А спасительный Случай за считанные дни до пресловутой поездки возник на пороге Союза писателей в лице почтальона, который принес телеграмму о присуждении мне Премии Юбилейного Дантовского комитета за переводы лирики Данте. Вручение премии должно было состояться во Флоренции, куда я и отправился вскоре - в какой-то степени с легкой руки Кочетова, уже успевшего «пробить» меня на доступном ему уровне. А на мое счастье, те же добрые люди в Иностранной комиссии решили, что несолидно новоиспеченному лауреату в свежем еще лавровом венке состоять переводчиком даже при таком большом человеке, как Всеволод Анисимович Кочетов.

Да здравствует Случай!